

Правда - 1990 - 19 февр - С. 4

Валерия Приемыхова не надо представлять читателям. Его хорошо знают и любят как актера, знакомого по фильмам «Жена ушла», «Милый, дорогой, любимый, единственный», «Попутчик», «Мой боевой расчет», «Простая смерть», «Продление рода» и другим. Огромный зрительский успех выпал на долю фильмов «Пацаны» и «Холодное лето пятьдесят третьего». Эти картины принесли Приемыхову звание дважды лауреата Государственной премии СССР, титул лучшего актера года по результатам традиционной зрительской анкеты «Советского экрана».

Профессионалы кино, многие почитатели экранного искусства знают Приемыхова и как интересного кинодраматурга — по его сценариям поставлены «Милый, дорогой...», «Взломщик», «Магия черная и белая», телефильм «Никудышная» и другие картины.

Совсем недавно состоялся режиссерский дебют Валерия Приемыхова: на киностудии «Ленфильм» он по собственному сценарию поставил фильм с эксцентрическим, на первый взгляд, названием «Штаны»...

Я НЕ ХОЧУ спрашивать его, повторяя многочисленные «других»: зачем ему это надо? как одному в трех лицах удается сочетать?.. Значит, надо. Стало быть, удастся.

Спрашиваю: какой хлеб горше — актерский, сценарный, режиссерский? Отвечает, не задумываясь — сценарный. Полная зависимость от «общекиношных», господствующих на сегодня вкусов. Сценарий беззащитен перед махиной казенной и добровольческой цензуры. Все его сценарии лежали годами. «Милый, дорогой...» Асанова собиралась снимать еще до «Пацанов». «Штаны» были написаны раньше «Взломщика»... Почему их не пустили? Что в них было криминального?.. Иногда ему приходило в голову: наверное, не ставят, потому что не дает взятку...

Непосредственность, с которой он выпаливает немислимо искренние фразы; почти неуловимая игра, с которой он «выдает» бесчисленные жизненные байки и киношные хохмы; стихийный напор здравой простонародной мысли, которую он высказывает без трибунального «от имени и по поручению» и без кулуарного «между нами», а за просто, с полупутым ветерком, — все это располагает к нему чрезвычайно. Но...

«Не поддавайтесь, не поддавайтесь мне, — говорит он, корчась от боли, шаря по ящикам письменного стола в поисках запропастившихся «язвенных» таблеток и улыбаясь при этом своей столь знакомой по экрану улыбкой. — И главное, не пишите о моем обаянии, ладно? В жизни я совсем не такой, как Паша Антонов».

Да, в жизни он мало похож на своего абсолютно надежного, живущего на пределе и за пределом человеческих сил, надломленного, испепеленного, но яростного, принимающего вызов судьбы, вступающего в последний бой героя. О нем писал: «супермен», «штатный шериф советского кино»... Поистине, нет пророка в своем Отечестве. Ну а если без аналогов, без актерских имиджей — двуязычного русского мужика не хотите?

«Кругом все рушится, валится, помочь никому... Вот тут находится Ванек. Он пашет, а все стоят и ржут — нашли дурака. Но это пока самих не прихватит. Тут сразу бегут: Ваня, помоги, ведь ты такой хороший человек... Эх вы! Черти!»

Это — из монолога героя в «Милом, дорогом...» — Валерий Михайлович, хотелось бы начать нашу беседу с третьего, режиссерского, дебюта, поскольку вы наверняка еще не «остыли» от него. Но прежде расскажите немного о первых двух.

— Боюсь повториться — что-то уже промелькнуло в прессе. Однако новой биографии себе не придумаешь. После школы я учился во Владивостоке, в институте искусств: поехал поступать вместе с товарищем, за компанию — приняли обоих. Отработал год в Уссурийском театре, отслужил в армии, потом играл на сцене русского драмтеатра во Фрунзе... Из Киргизии я приехал в Москву и подал документы сразу в Литературный и во ВГИК. Прошел конкурс в оба вуза, решил «податься в кино», казалось это больше по плечу...

Первый сценарий — название его Приемыхов предпочитает не упоминать — был поставлен на «Ленфильме». Фильм, увы, действительно неудачный, сослужил ему, однако, добрую службу: во время одной из поездок на студию он познакомился с Динарой Асановой, которая снимала тогда свою вторую (не считая дипломной, напрочь закрытой) ленту «Рудольфо» по В. Распутину) работу — «Ключ без права передачи». У них было много «почти общего»: время рождения, детства и юности, воспоминания о городе Фрунзе, о ВГИКе, жажда работать в кино... Динара еще на «Киргизфильме» так и сказала: должна работать в кино — хоть дворником. Валерий, уже участь на сценарном, работавший дворником в одном из московских жезов — нужна была любая «отдельная конура», чтобы писать... Они стали друзьями.

Когда, уже через картину, Динара пришлось срочно подыскивать исполнителей главных ролей для фильма «Жена ушла» (вместо В. Высоцкого и М. Влади), она попросила Приемыхова подыграть на пробах Елене Соловей. Вскоре ему позвонили со студии, сообщили, что утвердили на роль героя. Заволавоался. Когда начались съемки, страх перед камерой, а также сомнения по поводу «женщины-режиссера» развеялись: при всей своей хрупкости Динара обладала не только железной решимостью говорить с экраном суровую правду жизни, но и твердой рукой профессионала: из данных исполнителя она извлекла нужные ей психологические тип. На экране — вначале привычно-беззаботно, а потом, когда жена ушла, постепенно осознавая собою в сущности трагическую неспособность понять глубину женской души, причину угасания любви, — жил-был обыкновенный Саша Клюев, начальник строительного участка одного из ленинградских РСУ... Многие зрители приняли Приемыхова за «очередного дебютанта». Картину, появившуюся в потоке популярных тогда лент на морально-этическую тему, фактически не приметили и критика. Пересматривая ее сегодня, понимаешь, насколько «не поточная» эта лента...

Личность на краю собственной судьбы, в пограничной ситуации, не сулящей исхода, — не тогда ли, в самой первой и до сих пор самой любимой роли Приемыхова, был заложен «генотип» его будущих героев, находящихся в трудных условиях волю к жизни?

— Динара Асанова умерла в апреле 1985 года — на пороге перестройки. Ощущала ли она всю тяжесть, весь ужас застойного времени? Надежда ли на его конец? Каким предположала увидеть будущее? Была ли у нее «личная идея» преобразования мира? Как она преломлялась в каждой картине? Волновал ли ее национальный вопрос? Не возникла ли мысль — жить и снимать в Киргизии, а не быть, по выражению одного из ее коллег, «каким-то русским народом»? О чем бы она стала снимать сейчас? Смогла бы думать о хозрасчете, о выгодном прокате, о прибыли или, скажем, о сопоставке с Японией?

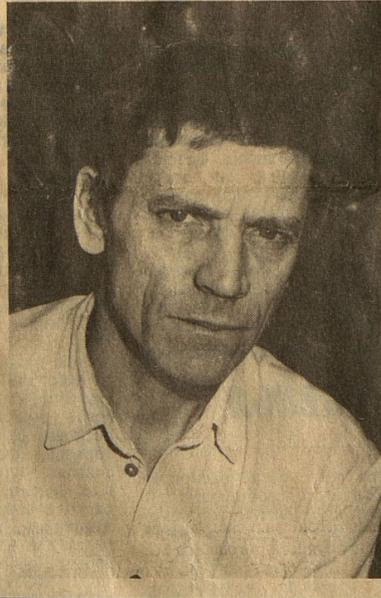
— Динара была единственным из знакомых мне людей, с кем нельзя было поговорить «за политику». Не потому, что она боялась или не имела по этому поводу своего сокровенного мнения,

просто ей было неинтересно. В этом смысле она была похожа на миллионы простых людей, которые работают, рожают детей, думают о будущем внуков, то есть живут вечным, дельным. Представьте на секунду, что народ на полном серьезе решил бы, что победить в соцсоревновании важнее, чем воспитать ребенка, что лишение крестьян земли, скотины делает их лучше, формирует у них коммунистическое мировоззрение, приближает к светлоте завтра...

Она ощущала застой и дозой не умозрительно, это мешало ей работать, не давало высказаться, заставляло расходовать половину сил впустую — на пробивание, обсуждения, «кулучения» и прочее. И уж, конечно, ни она, никто из нас не надеялся, что это может кончиться завтра. Понимали, что кончится, но боялись себе признаться, что при жизни этого не случится. Ей не хватало времени и сил... Многие исковеркано в ее картинах. Но как художник она состоялась, и не думаю, что «перестроившись», она заговорила бы другим голосом и о другом. Громче — да, яростнее — да, откровеннее — конечно. Но о своем, кровном.

«Я ВЕРЮ В ПРОБУЖДЕНИЕ...»

Наш собеседник — актер, сценарист, режиссер Валерий ПРИЕМЫХОВ

Сегодня появилась плеяда художников, пафос творчества которых питается разрешенными сверхтемами. Они делают имя на том, что удивляют замученного нашего зрителя вчера еще запретным. Динара снимала и постельные сцены (вымарано), и концерты рок-клуба (вырезано), и скрытой камерой — роды (картина не состоялась, хотя сценарий был написан мною с огромным интересом к теме, на одном дыхании — снятые кадры использованы в фильме, посвященном Динаре). Она снимала все и во всем оставалась художником, открывающим неизвестную жизнь.

У нас в планах бы «Джан» Платонова, если б она могла себе представить, что сегодня можно «Котлован»...

Национальным вопросом не болела. Она была восточной женщиной, ощущала свою непохожесть, которая проявлялась в одежде, в быту, в привычках. Но это было во внутренней потребности, а не желании что-то кому-то показать, доказать. При ней как-то вспоминалось, что ты русский, и хотелось тоже быть похожим на самого себя. Съёмочная группа ее была интернациональна, среди ее друзей были люди самых разных национальностей, и, может быть, рядом с ней им тоже нравилось быть самими собой, а не людьми вообще.

Она любила людей верующих. В последнее время серьезно занималась восточными учениями, не для сведения — для души.

— Ваше самое сильное жизненное впечатление последнего времени? Ляжет ли оно в строку, станет ли эпизодом будущего сценария? Как вообще возникает замысел? Что послужило толчком к написанию таких ваших сценариев, как «Взломщик», «Штаны», «Милый, дорогой...», и других?

— «Впечатления» как-то не задерживаются и не поражают. Вот переживания и мысли по поводу увиденного, понятого — это надолго. Они как бы фон, почва, на которой может что-то вырасти. Не верю в «жизненные впечатления», переворачивающие жизнь человека, вернее, плохо верю в такого человека. Впечатления чаще подтверждают или опровергают то, о чем ты сам мучительно думаешь.

Сценарий — это просто счастливая находка, когда ты, отталкиваясь от интересного случая, можешь ярко и коротко рассказать о думаном-передуманом. Надо только увидеть за нелепостью — парадокс, за фантастическим случаем — закономерность и т. д. Хотелось бы в аудиториях, где учат людей литературному труду, написать: «Только ничего не придумывать!»

В основе фильма «Милый, дорогой...» — заметка из «Вечерней Москвы», сюжет картины «Никудышная» питает древнее поверье. Случай в деревне, где родился мой отец, натолкнул на фильм «Штаны». Из этого же корня вырос «Взломщик». А случай прост: я увидел семидесятилетнего старика, отсидевшего за убийство. На самом деле сидел он за своего сына по простым деревенским соображениям: убил-то, конечно, сын, но сыну дадут больше, кроме того, у сына дети, а старик свое отжил, отработал, теперь хоть так послужит роду, потомству.

— Самые сильные сегодня — газетно-журнально-книжные впечатления. В каком направлении ищите «свою правду»?

— Самое сильное впечатление — впервые впечатанный и перечитанный заново Платонов. Это к вопросу о злободневности в искусстве. Художественность — высшая правда. Гибель незнакомого десяти тысяч, говорит расхожая житейская мудрость, менее болезненна, чем гибель родного человека, человека во плоти, которого ты успел полюбить, даже читая о нем. Такой любимый человек у Платонова, «сокровенный человек» — народ. У Платонова он живет и дышит, как одно существо — теплое, родное, страдающее.

Должен вам признаться, что когда-то, закончив первый институт, то есть примерно в двадцать три года, я был уверен (пройдя вузовский курс по литературе), что знаю все. Теперь в свои сорок шесть я понял, что не знаю ничего. Сейчас я занят тем, что читаю и перечитываю классику. В частности — Гоголя.

А какое наслаждение читать Набокова — отточенная форма, изысканная. Сколько путей открывалось перед русской литературой, Набоков ведь — один из них... А Шаламов? А яростный Солженицын? Наша критика упорно строила узкоколейку рядом со столбовой дорогой развития отечественной культуры... Теперь нам всем предстоит по ней пройти...

— Ваши роли, сыгранные в фильмах Асановой, почти все ваши сценарии да и первая режиссер-

Имеет ли для них любовь какой-то смысл, кроме физиологического?

— Конечно, имеет. Но в том случае, когда она истинна, бескорытна. В наше время так много дурного прикрывается высокими словами, что начинаешь сомневаться в их искренности... Прекрасно тогда прекрасно, когда ты относишься к нему незанятно, когда ты начинаешь «играть», которая стоит свеч, то, как бы это сказать... свеча пропадает...

— Ну хорошо. О любви не говорим, о ней все сказано. А вот о проблемах сегодняшних «сорокалетних» сказано далеко не все. Ваш Вадим из «Милого, дорогого...» — кто он? «Шестидесятник»? Верите ли вы в его обостренный темперамент сегодня, во времена перестройки?

— Сегодняшние «сорокалетние» помогли «пятидесятилетним» сдвинуть «наш паровоз» с мертвой точки — это очевидно. Но когда он наберет скорость, понадобятся уже другая локомотивная бригада, помощники...

— Ступени поколений... Ваш Лузга из «Холодного лета...», он же капитан разведки Сергей Басаргин, принадлежит сегодня уже к старшему поколению. Но тогда, в 53-м, он был почти на сорок лет моложе. И мы, зрители, воспринимаем его скорее как современного героя. А сегодня очень важен для нас момент пробуждения Лузги. Вы верите, что он, духовно и физически изможденный, может победить?

— Да, я верю в пробуждение моего героя. Как только он понимает, что работает на абсолютную справедливость, он обретает силу неборимую... Так и народ — это было множество раз — встает стеной за справедливую историческую цель.

— Вернемся, наконец, к началу нашей беседы — вашему третьему дебюту. В каком-то смысле картина «Штаны», идущая сейчас по экранам страны и, судя по самым первым зрительским обсуждениям, пользующаяся успехом, — художественная антитеза вашим актерским образам. Спасаящий детей, идущий до конца неистовый Паша Антонов из «Пацанов»; не сломленный бюрократической машиной проволочек и запретительств русский изобретатель-одиночка Костылин из «Попутчика»; сражающийся за справедливость и побеждающий Басаргин из «Холодного лета пятьдесят третьего», другие «несгибаемые» ваши герои... И вдруг — «Штаны». В центре этого фильма — судьба славовольного, задавленного обстоятельствами человека, несостоявшегося актера, несчастного отца. Контраст разительный, что и говорить. Жалко ли вам Басаргина? Дело ведь не только в его бездарности — не так уж он и бездарен. Дело в его конформизме — сознательном пути больших и малых компромиссов. Можно ли сказать, что в какой-то мере эта картина «автобиографична»?

— Фильм «Штаны» — не о конфликте поколений. Не о вине старших перед младшими. Это фильм о торжествующей бессмыслице. Человек, проживший эпоху по мертвым рецептам, а не по велению сердца, духовно ущербен. «Штаны» — актерское ампула, оболочка человека — это все, что осталось от Басаргина. Его жалко, как жалко себя за то, что столько ненужного переучено, переделано, перечитано. Столько прекрасного в каждом из нас погубило навсегда — за неуступчивость, за запреты. И в этом смысле фильм — и моя исповедь.

Потребность в очищении сильна сейчас в людях, как никогда. Кажется, так просто: обращайся святой или грешник к толпе, святой и грешник, и говорит: «Простите меня!» А ему в ответ: «И ты нас прости!» К сожалению, в жизни не так...

Для меня эта тема — важнейшая, ее можно увидеть во всех моих работах, если только не пытаться искать в них «проблемы воспитания», «борьбу с недостатками» и т. д. Причина сегодняшней нашей трагедии — не ошибки и преступления Дзугашвили-грозного (со опричниками). Вопрос шире. Мы долгое время жили в бессмыслице, во лжи. Разум, опыт, память говорили одно, а были вынуждены жить «наоборот». Не лишения, не самый страшный труд убивает человека, говорил Достоевский в «Занесках из мертвого дома», а бессмысленная работа. Заставь человека полдня копать яму, а затем полдня ее засыпать — он сходит с ума.

Так вот, насколько мы «сошли с ума», мы еще только начинаем осознавать. Однако в народе живы здоровый смысл, жажда правды и справедливости. Многие выступления на Съезде народных депутатов, на сессиях Верховного Совета вселяют надежду на будущее.

— Творчество актера до сих пор плохо изучено. Что это такое — актерская игра? Шаманство? Выход в психологический космос? Возможна ли теория — современная теория — актерского творчества?

— Теория актерской игры уже есть — система Станиславского. В молодости я, как и большинство моих однокурсников, возненавидел ее. Вина в этом не Станиславский, а те, кто его преподавал, как не виноват Пушкин, что его «преподают» в школе.

Сегодня наша актерская школа в упадке, оттого что главным актером стал режиссер. Все очень удивилось, почему главную роль у меня играет Юрий Яковлев. Потому что он один из последних представителей русской актерской школы. Мы еще успели увидеть Н. Черкасова, Б. Ливанова, Н. Симонова... Главным в этой школе — актерское достоинство: актер не заигрывает со зрителем, не пресмыкается перед ним; он играет роль, а не «идею роли», может посягать над собой, но никогда — над зрителем; актер уважает публику, а гениальный — преклоняется перед теми, кто ему аплодирует. Это лишь некоторые признаки «той» школы. Посмотрите, с каким актерским мужеством предстает перед зрителем Юрий Васильевич — откровенно обнаженным, без актерских подстраховок, красот, эффектных жестов, интонаций. Герой? Простак? Резонер? Просто — настоящий артист.

— Какие чувства испытываете вы сегодня после режиссерского дебюта? Есть ли желание ставить фильмы и дальше? Каковы ваши планы?

— Мои дебюты никогда не радовали критику. Когда я сыграл свою первую роль, мне говорили — зачем тебе, хорошему сценаристу, становиться средним актером? Сейчас все повторяется, только теперь говорят — зачем тебе, хорошему актеру, становиться режиссером? Значит, все сначала... Моя следующая картина «Мигранты», как следует уже из названия, будет посвящена одной из самых острых современных проблем.

У меня есть свой зритель — верный, благодарный. На него я работаю, и меня от него не отлучить...

Беседу вела Людмила ЗАКРЖЕВСКАЯ. Фото Н. Гнисюка.